

Этот случай мне рассказали жители маленького таёжного посёлка. В таких местах по большей части живут охотники-промысловики, и вся жизнь у них связана с тайгой. А в тайге свои устоявшиеся законы и правила жизни. В те глухие места я приехал на несколько дней — побродить по тайге, а по большей части за творческим вдохновением. Сначала меня встретили насторожённо, стали спрашивать, что надо, зачем приехал. Я ответил честно:

— За туманом я приехал.

— Зачем?! — спросил один из местных.

— Отдохнуть от цивилизации.

— Много дичи добыл? — спросил самый старший из них.

Отвечаю:

— Три рябчика.

— И всё?!

— Так мне больше и не надо. Вы бы мне какие истории интересные рассказали из жизни охотников — вот это добыча.

— Может, тебе дать мяса или рыбы?

— Спасибо, это всё я и возле дома добыл, а вот свежих рассказов...

— Чего на улице стоять? Заходи в дом.

Вот такую историю мне поведали.

Жизнь в посёлке шла своим чередом, пока мужики не стали замечать, что из капканов пушнина пропадает. Да всё так аккуратно. И самое обидное, что кто-то свой пакостит, местный. Чужих здесь почти не бывает. Скоро выследили воришку. Не то чтобы чужой, но и не совсем свой. Из соседнего посёлка мужик. Служил в армии в этих местах, задружил с местной девчонкой, да так и остался.

Изловили прямо с поличным. На месте застукали. Стали совет держать, что делать.

Собрались на большой поляне посреди леса — судчинить. Дело это не быстрое, развели костёр, воду для чая кипятят. Воришка сидит в сторонке, не пытается бежать. По тайге от охотников не уйдёшь, вот и ждёт, что решат. Молча пили чай, предложили и «виновнику торжества», но он отказался. Потом два самых старых охотника начали совещаться... Один набил табаком трубку, другой закрутил самокрутку из газеты и спросил первого:

— Ну чо?

— Пока ничо.

Потом снова молча думали. Воришка не выдержал, стал кричать, чтобы его пощадили.

— А ты, когда крал у него,— старый охотник показал на улыбчивого мужчину лет тридцати,— его детей не морил голодом?! — потом добавил, показав на другого: — Или его отца лекарства не лишал? — потом продолжил: — Ладно, мои или его внучата без лишней конфеты обошлись, у нас пенсия какая-никакая, а у кого весь заработок от промысла?..

И опять, два старых охотника молча сидели, пока их взгляды почти одновременно не остановились на тонкой высокой берёзке, одиноко тянувшейся среди молодого сосняка.

— Ну чо?

— А чо!

Охотники встали на ноги, один из них сказал тем, кто помоложе:

— Срубите вон ту берёзу да ветки уберите, чтобы жердь вышла.

Пока это всё происходило, воришка подумал, что его будут бить жердью, но пытаться убежать не посмел.

Старый охотник продолжал командовать:

— Наденьте на него рюкзак и ружьё. Теперь вставьте жердь в рукава...

— Да сыромятными ремешками хорошенько привяжите,— подхватил второй.

— Тебе даётся шанс выжить,— обращаясь к воришке, сказал один из старых охотников.— Доберёшься до дому — никто тебя не тронет больше, а не дойдёшь, то так тому и быть. Ещё наши деды учили нас тому, что в тайге надо блюсти восьмую заповедь¹.

Похолодев от ужаса, воришка смотрел, как уходили с поляны охотники. Никто не оглянулся. Через трое суток он смог выбраться на лесовозную дорогу. Хорошо, что ещё сильного мороза не было, обошлось без обморожений. Водитель лесовоза вытащил жердь из рукавов, но в кабину не пустил, объяснив просто:

— От тебя паря, шибко воняет...

Вышел воришка к дому на четвёртые сутки. Жена как его увидела без шапки — чуть чувств не лишилась: уходил в лес — волосы были чёрные, как уголь, а пришёл седой, как осенний туман. В два дня собрался и уехал. Потом жена продала дом и тоже уехала. А куда — никто не спрашивал...

Когда я собирался идти к лесопункту, чтобы уехать домой, решил заглянуть к одному из старых охотников, сказать «до свидания» и кое-что спросить про эту историю. У него меня поразила интересная картина. Я увидел во дворе много старых собак, некоторые были покалечены.

¹ Восьмая библейская заповедь: «Не кради».

— Удивляет? — спросил старый охотник.

Честно ответил:

— Да,— потом спросил: — А что их так много, старых?

— Да я никогда не убиваю своих собак. Они меня много лет кормили — что мне, жалко чашки каши? А вон тот, без передней лапы, ещё не старый,— потом добавил: — он моему сыну жизнь в тайге спас, а сам остался калекой, вот я его в «собачий дом престарелых» и определил.

Затем я выслушал рассказ о том, что тех, кто своих собак убивает, Бог наказывает.

— Вон Федька травил своих собак — сам траванулся, кое-как спасли. Жека стрелял, так сам под пулю попал на охоте, теперь инвалид. Илюха задушил старую собаку, а через год сам в петлю залез из-за девки... Да что я тебе говорю...— и подытожил: — Нельзя грех на душу брать.

Потом я ещё много раз приезжал в тот посёлок, были и другие истории, весёлые и грустные, но об этом в другой раз.

2015–2016

*По материалам, собранным в Забайкалье
в конце 80-х — начале 90-х годов*

